

Под рубрикой: "КНИГА."

Николай Тарабукин.

Первый музей новой западной живописи. Текст Я. Тугендхольда. Изд. "Творчество", Москва, 1923 г.

Разносторонняя личность – профессор Тугендхольд!

С одной стороны официальный репортер "Известий ВЦИК" по художественному отделу, говорящий всякие такие революционно-социально-пролетарские слова.

С другой стороны, пишущий о "святом искусстве", о "святой простоте примитивов", как, например, в вышеозначенной книжечке.

С одной стороны – художественный критик, принципиально отрицающий всякий научный подход к искусству и признающий лишь непосредственный "трепет" "бродячего энтузиаста".

А с другой стороны (это уже с четвертой) – профессор (по какому учреждению, знать бы желательно? Мы надеемся не по Госуд. Университету), профессор, т. е. личность в силу своего призвания, стоящая, опять-таки "принципиально", на позиции научного подхода к художественным явлениям.

В этих "четыре соснах", не будучи даже "пошехонцем", заблудишься и не сумеешь всех этих разноречивых данных "привести к одному знаменателю".

По существу рецензируемой книги профессора сказать что-либо новое было бы весьма трудно. Мы полагаем, что едва-ли она могла служить "диссертацией" на соискание ученой степени?!... В данном случае перед "зимним сезоном" профессор занимается перетряхиванием старых салонов и пересыпкой их нафталином. Из затхло-пахнувших сундучков профессор вынул, попорченные молью старенькие свои статьи из "Аполлона", из книжки "Искусство импрессионистов" и перелицевал их на новый манер, в виде путеводителя по б. Щукинскому собранию французской живописи.

Страницы по-прежнему наполнены экстатическими восхищениями перед Гогеном, Ван-Гогом и пр... Принадлежат к лику консервативных эстетов (пользуясь терминологией того же профессора, – к лику "святых" от эстетики), – профессор Тугендхольд "не торопится", и в взглядах своих остается на тех же позициях, на которых судьба застала его лет 15 – 20 тому назад.

Предоставим восхититься "трепетностью" художественного критика, а ныне и профессора, кому-нибудь из той же "плеяды". Например, весьма "магическому" писателю Муратову. Коему и предоставляем слово, следуя завету: "пусть мертвые хоронят своих мертвецов".

